

ТОТАЛИТАРИЗМ И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

9

ВЫПУСК

Март 2011

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Долгосрочные национальные интересы России требуют модернизации. А.В. Кива, обобщивший прогнозы её дальнейшего развития таких специалистов, как Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов, Л. Абалкин, Р. Нигматулин, Т. Заславская, Н. Римашевская, Ж. Тощенко и другие, пришел к выводу, что нам грозит катастрофический сценарий развития, что «в случае провала модернизации страну ждет вполне вероятный распад и уход с исторической сцены». Между тем «очень слабым кажется субъект модернизации, в то время как противники ее очень сильны» [4. С. 135-136, 141, 143]. Кто же должен и может осуществить модернизацию, и каким путем?

Какая же реальность подлежит осовремениванию (модернизации)? По мнению известного политолога В.Б. Пастухова, «тот экономически и политический строй, который сформировался в современной России, может быть адекватно описан только в рамках научной дисциплины, которую я назвал бы “полицэкономия госкапитализма”». ФСБ и МВД «ежедневно и повсеместно вмешиваются в экономическую и социальную жизнь общества», а «влияние руководителей ФСБ и МВД на экономические процессы значительно более существенно, чем влияние многих руководителей министерств экономики и финансов», поэтому “силовой блок” и «есть экономический блок правительства». Он подчеркивает также, что «по сути, спецслужбы сегодня целиком никому не подчиняются, в том числе, и президенту с премьер-министром». Более того, произошло «активное сращивание криминала и правоохранительных органов» [7. С. 37, 38].

Как подчеркивает Н.Л. Полякова (со ссылкой на Р. Бендикса), «в отсталых странах государственное управление представляет собой одно из главных экономических занятий... Правительственные должности составляют главные пункты социальной борьбы... Такое значение правительственной службы связано с экономической отсталостью, слабым средним классом» [9. С. 78].

В России, пишет Пастухов В.Б., особое значение в политике приобрели “силовики”, которых средний класс воспринимает как «чуму XXI в., называя их оккупантами», а «население голосует за них “сапогами”, всеми правдами и неправдами устраиваясь на работу в милицию, гаможню и налоговую службу» [7. С. 33].

Сейчас «в рамках военной реформы высвобождаются тысячи военных профессионалов. Эти люди воспитаны, чтобы брать, а не просить». Они в 2013 г., считает Пастухов, составят конкуренцию в силовом блоке власти выходцам из спецслужб, поэтому зря народ предпочитает милицию армии: «Возможно, совсем скоро маятник истории пойдет в другую сторону» [8. С. 28].

Пастухов считает, что главным вопросом политической повестки дня «становится “стратегия выхода” из режима экономической “спецоперации” и возврата к нормальному “регулярному государству” с пусть и не идеальными, но все же самостоятельными и работающими институтами» [7. С. 39].

Многие исследователи считают недостаток демократии обстоятельством, препятствующим модернизации. Так, Д. Тренин пишет, что это уменьшает легитимность внутренних и внешних интересов политического режима. «Дело, оказывается, уже не в количестве и качестве стратегических наступательных вооружений, даже не в размерах валового внутреннего продукта, пусть даже по обменному курсу и на душу населения, и не в имидже, а в качестве политических, экономических и общественных институтов и степени признания этих институтов в мире» [1. С. 109. 96-110].

Т.о. модернизация связана с демократизацией. Демократия предполагает новую, отличную от авторитарной, субъектность политики. В свою очередь, как указывает Н.С. Розов, проблема демократизации упирается в вопросы «о субъектности, о необходимости широких коалиций, направленных на демократизацию и модернизацию», о «неготовности к этому подавляющего большинства российского населения» [10. С. 7].

Какие же проблемы стоят перед модернизаторами-демократизаторами? Б.В. Межуев главной проблемой считает «обеспечение институциональной устойчивости российской демократической модели». Он считает, что в случае экономического или политического кризиса реальна возможность «соскальзывания в популистский, “лидерский” режим, не признающий над собой никаких институциональных ограничений», поэтому необходимо создание институциональных противовесов, которые ослабили бы потенциал «плебисцитарной демократии или “лидерской” модели власти» [5. С. 12].

Модернизация предполагает тесную взаимозависимость экономической, идеологической, политической, социальной и других сфер. Президент Д. Медведев в своих статьях поставил вопрос о комплексной, постепенной модернизации, включающей и политическую, и экономическую модернизацию. Это вызвано осознанием явной угрозы российскому государству. Правда, обозначилась отчетливая тенденция сужения общей идеи модернизации к чисто экономической и даже «к намного более узкой и частной идее технологических инноваций» [12. С. 11].

Первоначальная модель модернизации Д. Медведева, как ее оценивает В.Б. Пастухов, «сводится к тому, что, можно, ничего принципиально не меняя в основах политической и экономической систем, одним напряжением политической воли и правильным целеполаганием придать новый импульс развитию общества в целом и экономики в частности». Это «промежуточный шаг в движении власти от осознания необходимости частичных реформ к признанию необходимости полной замены системы». Признание необходимости частных реформ проявилась в попытках Д. Медведева реорганизовать МВД, поскольку «выяснилось, что “модернизации” и

“инновации” плохо совместимы с “махновщиной”, которая буйно расцвела под крышей МВД» [8. С. 24].

Пастухов указывает также, что «в их нынешнем виде ФСБ, МВД и прочие сублиматы правоприменительной деятельности являются стержнем, на котором держится вся политика и экономика современной России... Невозможна, по большому счету, не только частная реформа МВД без реформы всей правоохранительной системы, но невозможна и частная реформа всей правоохранительной системы без общей политической реформы» [7. С. 38].

То, что идея модернизации у основной части правящей элиты «съезжилась» до идеи технических инноваций не случайно, поскольку техника, высокие технологии являются одной из основ политической власти, военного могущества, контроля «сверху» над обществом, и существующему режиму хочется именно такой техно-модернизации, ничего принципиально не меняя в экономических и политических отношениях.

Но в том и загвоздка, что после крушения СССР Россия за двадцать лет не продвинулась по пути экономического и научно-технического прогресса: «не только не появилось принципиально новых промышленных производств, известных в мире технологий, новых ГЭС, кораблей, самолетов и даже автомобилей. Мы сдали позиции даже там, где СССР был признанным лидером, - в космосе и энергетике» [4. С. 138].

Вероятно, решение проблемы технических инноваций упирается в нерешенность более общих, политических вопросов? Является ли сегодняшняя застой результатом непреодолимых объективных препятствий (обстоятельств), либо главными являются субъективные факторы?

Среди ученых нет единства в ответе на этот вопрос. Одни считают, что “разруха начинается в головах”. Так, единственной причиной загнивания и отставания, как подчеркнул директор Института экономики РАН Р. Гринберг, является «инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено» [2]. Другие подчеркивают роль не субъективных, а различных объективных факторов.

А.Ю. Мельвилл говорит, что в литературе «по проблемам возникновения демократии и демократизации четко выделяются два больших потока: представители “структурного” подхода считают, что демократия органично вырастает из определенных объективных предпосылок, тогда как сторонники “процедурного” (“Агенсу-ориентированного”) подхода уверены, что все дело в субъективных обстоятельствах – решениях и действиях политических акторов» [6. С. 74-75].

Сторонники «структур» подчеркивают роль социально-классовой структуры, уровня экономического развития, национальной идентичности и эффективной государственности, политической культуры, религии.

отсутствия острых социальных, этнических, религиозных и других расколов, наличия/отсутствия ресурсов, качества институтов, влияния международной среды, территориальной близости к тем или иным режимам, климата и даже IQ. [6. С. 74-75].

Э. Шилз и Р. Бендикс считают, что "внутренние, структурные разрывы" являются «целой серией препятствий на пути успешной модернизации». «Это разрыв между немногими очень богатыми и массой бедных; Между образованными и необразованными; между городскими и сельскими жителями; между космополитами, националистами и нативистами; между современностью и традицией; между управляющими и управляемыми» [9. С.79]. Показателен такой факт: 1% собственников США обладает 38,5% национального богатства, а в РФ примерно полторы тысячи человек обладают более 50% . «Проблема чрезмерного социального расслоения остро ощущается всеми слоями и группами российского общества» [3. С. 30-31].

Сторонники «процедурного» подхода считают решающими субъективные факторы - желание национальных элит перейти к демократии, выбор способов взаимодействия между акторами, путей разрыва со старым режимом, определение путей решения проблем "старых" элит, смены элит, взаимоотношений с оппозицией, ротации власти, использования насилия и других [6. С. 75].

Мельвиль склонен «не преувеличивать непримиримость этих двух подходов» и считает, опираясь на некоторые исследования, что «политические акторы в принципе способны преодолевать "структурные" ограничения и конструировать демократические институты и практики в "неблагоприятных" условиях». Мельвилю «хочется считать, что все же нет однозначной и вытекающей из структурной предопределенности «колеи зависимости». [6. С. 76].

Автор данной статьи согласен с подходом, что «политика – это искусство возможного», и от зрелости субъектов зависит выявление и реализация этой возможности. В качестве примера того, что не существует роковой зависимости от "структур", можно привести результаты дискуссии о роли ресурсного богатства. Некоторые авторы считают его 'ресурсным проклятием', снижающим мотивы государства и бизнеса инвестировать в более затратные сферы экономики, а в политическом плане это проклятие ведет к авторитаризму. Так, политолог Майк Росс (США), как о том пишет Межуев, на основе эмпирического «сравнительного исследования 117 развивающихся стран, обосновывал тезис о том, что "ресурсное изобилие" в сочетании с высокими ценами на сырье не только ведет к экономической отсталости, но и обуславливает отход государства от норм демократии и общих стандартов прав человека», ибо доходы правительств от продажи сырья снижают «политическое влияние народного представительства, равно как и всех социальных групп, своими налогами обеспечивающих наполнение государственного бюджета», а также «"позволяют правительствам тратить гораздо больше на укрепление внутренней безопасности тем и самым

блокировать устремление населения к демократии"». Однако данный тезис как непреложный закон был опровергнут опытом Венесуэлы, Стран Средней и Центральной Азии, Великобритании и Норвегии, хотя и существует «очевидная корреляция между отсталостью экономики государства» и «слабостью и неустойчивостью в этом государстве демократических институтов» [5. С. 19-20].

Д.В. Трубицын подчеркивает, что главными являются «социально-экономический (качество труда, экономическая и социальная динамика, самостоятельность, ответственность, активность и проч.)», а не социально-политический фактор: «именно низкая социальная и экономическая активность населения является главным фактором, делающим невозможной в обозримом будущем модернизацию нашей страны», а также что «всегда там, где есть успехи в модернизации, есть дефицит природных ресурсов» [11. С. 86-87].

Н.С. Розов, со ссылкой на зарубежных исследователей, пишет, что в «некоторых странах и культурах на начальных этапах соответствующая модернизация весьма успешно проводилась и кое-где проводится авторитарными режимами (Сингапур, Южная Корея, Чили, Китай)», однако «для России этот путь закрыт: отсутствует так наз. селекторат, дисциплинирующий власть». Он делает вывод, что при современном состоянии системы «даже чудом пришедший к власти авторитарный лидер, не на словах, а на деле настроенный на модернизацию, никакого позитивного результата с помощью вертикали власти не добьется». Единственным способом является демократизация, позволяющая осуществлять общественный контроль, взаимный контроль открыто конкурирующих политических сил. Они дадут возможность «надежного и долговременного дисциплинирования правящих элит и бюрократии» [10. С. 7].

Б.В. Межуев считает, что Россию сегодня характеризует экономическая отсталость, которая обуславливает социальное неравенство, а демократия – заложница этой ситуации. Но выход есть. Он пишет, сравнивая сегодняшние задачи с теми, которые стояли перед Россией начала XX в.: «Построение в России сложного постиндустриального общества требует не мобилизационного рывка, но укрепления и институционального обеспечения демократической модели политического развития»: модель демократии должна «быть менее лидерской, в большей степени полагающейся на прочность государственных институтов и представительной власти, но в то же время исключаящей произвол на политической сцене олигархических кланов».

Б.В. Межуев указывает на главные причины, которые не позволили пока что перейти «от лидерской модели демократии к её устойчивой институциональной форме»: это «особенности российского пути экономического реформирования», а также «целый ряд пережитков традиционной для России политической культуры с её установкой на безграничное доверие к власти» [5. С. 10].

В рамках демократической политической модели Межуев видит возможности решения ключевой задачи - возрождения интеллектуального класса страны, т.е. ее научного сообщества, «престиж которого в постсоциалистическом обществе снизился до минимума». От влияния этого класса «зависит успех модернизации страны». Этот класс «в союзе с передовыми сегментами бизнеса и государственного чиновничества смог бы стать основным субъектом модернизационного процесса и, соответственно, социальным фундаментом устойчивой демократии». При этом «интеллектуальный класс должен получить как гарантии реализации собственных интересов, так и передышку от конкурентной гонки» [5. С. 8, 14].

Таким образом, определяется модернизационный «триумвират» субъектов: интеллектуальный класс, передовая часть бизнеса и, опять-таки, государственного чиновничества. Другие говорят, что должно быть «разбужено», разбужен народ, должно быть создано независимое от государства гражданское общество, «реальную роль должно сыграть общественное большинство». Люди должны быть встроены в политическую и экономическую структуры. Пока что «люди идентифицируют себя с государством и политическими лидерами скорее иррационально, реального партнерства между властью и обществом нет, не возникло сильного среднего класса, а вместо социальной и политической интеграции идет распад, фрагментизация общества. [3. С. 28, 29-30, 31].

Подход Межуева в целом соответствует основным положениям теорий модернизации исторической социологии (Б. Мур, Р. Бендикс и др.). Согласно анализу Н.Л. Поляковой, эти положения в самом общем виде таковы [9. С. 76-79]:

1. «Модернизация осуществлялась и поэтому может осуществляться в различных социальных и экономических формах» и «отливаться в различные итоговые образцы исторической практики»;
2. «Процесс модернизации имеет прежде всего политический характер, зависит от «расстановки классовых сил» и их коалиций и определяется в конце концов выбором, который делают политические элиты»;
3. Имеется «фундаментальная связь между внутренней социальной структурой и внешними условиями существования в виде других, более продвинутых обществ»;
4. В процессе модернизации «правительства, политические элиты, государство обществ-последователей» играют «решающую и ведущую роль», и эта роль тем больше, чем более отстало общество от передовых стран;
5. «Отставание общества-последователя всегда обусловлено отсутствием в его социальной структуре каких-то значимых элементов модернизма, имеющих в передовых обществах», поэтому успехи модернизации и преодоление отставания зависят от способности правительства и государства «создать функциональные элементы или заместители для

отсутствующих элементов», следовательно наличие «эффективного государства и правительства становится одним из условий модернизации и признаком самого модерна», а «государственная служба становится одним из главных лифтов социальной мобильности, экономического благосостояния и безопасности, основой социальной стратификации»;

6. «Образование и образованные люди, стремящиеся использовать передовые идеи и технику в целях осуществления модернизации» играют «особую стратегическую роль» и в современном мире на передний план выдвигается образование как средство модернизации.

Межуев обращает внимание на то, что постсоветский период характеризовался «роковой связкой демократии и государственной слабости», и он называет эту связку «противоестественной». Законодательное и фактическое укрепление президентской власти явилось способом укрепления государства. С избранием в 2008 г. президентом Д.А. Медведева, назначением главой правительства В.В. Путина и с возникновением партии-гегемона «Единой России» возникло «фактическое, хотя и конституционно никак не формализованное, разделение властей», которое имеет «конфликтный характер».

Осенью 2009 г. президент Д.А. Медведев выдвинул задачу модернизации (либерализм), а партия «Единая Россия» приняла идеологическую программу «российского консерватизма», но идеологическое единство было восстановлено, когда указанная партия включила лозунг модернизации в свою идеологию. «"Единая Россия" внесла важный вклад в обуздание партикуляризма региональных элит и их интеграцию в общенациональную политическую систему. Политическая реформа, призванная обеспечить успех модернизации, основана на идее систематического контроля посредством институтов публичной политики за деятельностью бюрократии». [5. С. 15-16].

Между тем, «клановая структура в России до сих пор господствует над политической». Главное препятствие для политической модернизации является «сегментированность общества на сохраняющие силу и влияние, но при этом недоступные для демократического контроля экономические и силовые кланы». Нужны партийные механизмы консолидации и мобилизации элиты. Как считает Межуев, участие партии-гегемона в «формировании как региональной, так и федеральной властей является возможной альтернативой развития в период того модернизационного процесса, который проходит в настоящий момент Россия», необходимо расширить её полномочия в органах законодательной и в системе исполнительной власти. Дальнейшее развитие желательно в направлении возникновения такой конкурирующей партии, которая соединяет «защиту наемного труда и представительство интеллектуального класса» [5. С. 15-18].

В заключение следует отметить, что, говоря о субъектах модернизации, нужно обращать внимание прежде всего на их интересы и факторы их

формирующие. Во-первых, в литературе весьма отчетливо выражен пессимистический взгляд на готовность и желание российских экономических и политических субъектов осуществлять модернизацию. Этот взгляд опирается на «закон минимальной трансформации»: пока российское общество обладает «практически неограниченными природными ресурсами», оно «не потерпит никаких прогрессивных изменений», невозможны ни «мирный путь либеральной капиталистической модернизации», ни её «тоталитарный» вариант, поскольку «современное развитие может основываться исключительно на свободном труде». Возможен (как «мягкий» вариант) путь «иностранного освоения российских природных ресурсов и, также, формально совместной, а фактически – иностранной модернизации России». Этот путь возможен при условии толерантности российского общества и политической элиты к иностранным модернизаторам, испытывающим дефицит ресурсов.

А «жесткий» вариант подразумевает отказ российского общества и элиты, маргинальной массы от совместной деятельности с мигрантами, с иностранными партнерами, «свертывание экономических и политических свобод, попытка негативной мобилизации и воссоздания тоталитарной общественной системы, военный конфликт с соседями и территориальный раздел/распад страны – затем та же модернизация ее частей по мягкому или жесткому сценарию. Возможно, какие-то части (в основном – густонаселенные европейские) в расчлененном виде будут склонны к быстрой динамике, а какие-то обнаружат явный регресс (богатые ресурсами и бедные населением Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток)». [11. С. 87-88].

Во-вторых, имеется более оптимистический взгляд на возможности формирования субъекта модернизации. Как пишет Н.С. Розов, нужно «упорно противодействовать» соскальзыванию «в глубокую многовековую колею авторитаризма и “русской власти”». Он считает, что «нет принципиального исторического запрета» на обучение населения самоорганизации, на достижение «критического уровня защиты личности и собственности» и общественного согласия о недопустимости насилия и вмешательства правоохранительных органов в политическую борьбу. Т.о. может сформироваться полиархия и субъектные основы успешной модернизации. [10. С. 20].

Литература

1. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Политическая модернизация России как условие роста ее международного влияния //Полис. 2010. № 5. С. 96-110.
2. Гринберг Р. Шансы: Третья улыбка фортуны // Ведомости. 2009. 1 июля.
3. Каневский П.С. Проблемы российской модернизации: элиты, общество, мировой кризис // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 18-32.

4. Кива А.В. Россия: путь к катастрофе или модернизации? //Соисс. 2010. № 11. С. 133-143.
5. Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России //Полис. 2010. № 6. С. 6-22.
6. Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? //Полис. 2010. № 4. С. 73-76.
7. Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России (К дискуссии по поводу нового закона о милиции //Полис. 2010. № 6. С. 23-40.
8. Пастухов В.Б. "Перестройка" – второе издание. Революция и контрреволюция в России //Полис. 2011. № 1. С. 7-28.
9. Полякова Н.Л. Исследование форм и процессов модернизации: вклад исторической социологии //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 67-81.
10. Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // Полис. 2010. № 4. С. 7-21.
11. Трубицын Д.В. Мегатенденции мирового развития или модернизация: методологическая дилемма //Полис. 2010. № 6. С. 76-89.
12. Шестопал Е.Б. Политическая повестка для российской власти и ее восприятие гражданами //Полис. 2011. № 2. С. 7-24.

Табаева А.В.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Большинство стран Западной Европы в последние десятилетия прошли через волну реформирования системы государственного управления. Стали проводить административные реформы, которые направлены на дальнейшее совершенствование государственного аппарата.

Реформирование государственного управления стало обычным явлением в современной системе государственного управления во всех странах и имеет некоторые общие черты, а также и различия. Выявление общего и особенного в процессах административных реформ поможет сравнить опыт проведения реформ в странах Западной Европы и России. Данное сопоставление предусматривает возможность учитывать ошибки других стран, чтобы преодолеть недостатки и трудности при реформировании государственного аппарата в России.

Кратко административную реформу можно определить как комплекс мероприятий государственной власти по совершенствованию организации исполнительного аппарата государства - государственной администрации, ее функций, форм и методов деятельности, призванный усилить эффективность и повысить качество его работы [8. С. 12].